

ПАМЯТЬ О ЛЕГЕНДАХ

"Жребий брошен..."

Слепое или озлобленное, а то и жестокое отношение современников к личностям,

выступавшим с новыми, разрушительными для прежних представлений идеями, нередко было одной из горьких примет созидания духовной культуры. Но следующим поколениям — по прошествии меньшего или большего времени — люди, чьи имена вошли в мировую историю познания, кажутся удачливыми избранниками судьбы, поскольку посмертная слава золотит светом успеха их жизнь. Однако внимательный взгляд на их судьбы открывает изнуряющее напряжение борьбы за свои идеалы, противостояние непониманию, неприятию, насилию...

К числу борцов, героев, подвижников принадлежал и белорусский философ XVI века Сымон Будный.

Он был личностью многогранной и энергичной. Мыслитель, писатель, переводчик и полемист, теолог и издатель, выдающийся филолог, один из самых просвещенных и сильных умов своего века, Будный внес существенный вклад в развитие белорусской культуры. Будный продолжил дело Франциска Скорины — содействовал открытию типографий в Несвиже, Заславле, Лоске — и был автором первых напечатанных там книг. Издания Скорины и Будного заложили основы белорусского литературного языка. Идеи Будного формировали духовную жизнь определенных кругов Великого княжества Литовского. Будный первым в европейской науке подверг критическому анализу Новый завет. Это был несомненный научный подвиг, требовавший обширных знаний, смелости мышления, духовной отваги. Ведь никто прежде на такое дело неосмеливался. Предшествующие Будному комментаторы Библии не ставили под сомнение ее авторитетность и авторитетность основанных на ней главных догматов христианской веры. Великие деятели Реформации — Лютер, Цвингли, Кальвин — со всей яростью обрушились на разложившуюся католическую церковь, взамен создали новые, столь же нетерпимые к идейным противникам и инаковерующим.

Будный не остановился на реформации христианства, он стал его разрушителем, избрал себе роль анатома незыблемых ранее документов христианской религиозности. Аналогичную работу провел Спиноза, но спустя

целый век. За сто лет, разделявших труды обоих мыслителей, копилось знание, вызревали новые идеи и потребности, складывалась новая формация. «Богословско-политический трактат» Спинозы, близкий по смыслу и содержанию комментариям Будного к Новому завету, вызвал ненависть католических и протестантских кругов и в 1674 году был запрещен. Работа Будного уничтожалась на кострах столетием прежде. Следует заметить, что книга Спинозы была написана по-латыни, то есть предназначалась для узкого круга читателей; критический же труд Будного был опубликован на польском языке, то есть был ориентирован на широкие слои читателей Польши и Великого княжества Литовского.

Жизнь Будного сложилась трудно. Он извечал гонения, гибель своих трудов, отвержение былыми друзьями и умер в нищете и одиночестве под радостные возгласы врагов.

Таков был порядок жизни. Человек, посягнувший на уст^и-господствующей идеологии, объявлялся еретиком и подлежал всем видам духовного насилия, отлучению от общества, физической изоляции или уничтожению.

Сымон Будный был еретиком. Не только по натуре, по духу, по смыслу деятельности. Он был объявлен еретиком официально, снискал гнев всех церквей христианского толка, действовавших в Белоруссии, Литве и Польше, к даже в партии антитринитариев взгляды его были названы еретическими.

Первые документальные сведения о Будном относятся к 1558 году, когда он прибыл в Вильню — тогдашнюю столицу Великого княжества Литовского, Русского, Жемонтского — по приглашению канцлера Миколая Радзивилла и стал катехизистом при

Виленской кальвинистской общине. Разумеется, Миколай Радзивилл приглашал Будного в Вильню вовсе не как еретика. Едва ли, встретившись с Будным, он мог заподозрить в молодом человеке носителя экстремальных взглядов. Он увидел в земляке умеренного протестанта, человека, одаренного умом, обаянием, способностями убедительно рассуждать и проповедовать, словом, он нашел в Будном личность, полезную для своего дела — дела утверждения в Белоруссии и Литве кальвинизма. Да и кто мог бы предсказать, что человек, нанятый для исполнения рядовых функций в общине, начнет сомневаться в «несомненном» — в божественном происхождении Христа, в существовании ада, о котором скажет, что это не более чем муки нечистой совести в земной жизни, что человек этот проявит недюжинные политические способности и возглавит движение литовских братьев.

Вся жизнь Будного — это напряженный поиск истинного знания и проповедь этого знания. Эволюция представлений Будного сложна: от католичества к кальвинизму, от кальвинизма к крайностям антитринитаризма, а закончил он свои дни атеистом. Путь непростой, и по условиям того века он потребовал исключительной духовной работы. Сымон Будный вышел из среды мелкой шляхты, то есть из среды малообразованной, можно сказать,

невежественной, вольнолюбивой, но не вольнодумной. Другими словами, он, как и большинство известных личностей той эпохи, был самородок. «Искра божья» горела в его душе, увлекающая учиться, идти в свет, искать свое счастье в науке.

Место рождения Будного не установлено. Семейное имя Буды, давшее ему фамилию, с равной вероятностью могло находиться и на Гродненщине, и на Подляшье, и на мазовецких землях в Польше — никто этого не знает и, скорее всего, уже не узнает никогда.

Во многом начальный путь Будного схож с путем Франциска Скорины. Как и его предшественник, Будный четырнадцати лет от роду взял котомку, получил от отца пару золотых, от матери — благословение и отправился попутными подводами в Краков — в Ягеллонский университет, где по традиции учились выходцы из Белоруссии и Литвы. Возможно, он и жил в тех же покоях, где жил Скорина, и слушал лекции в тех же аудиториях, сквозь те же ворота входил в квадратный двор Коллегиум Майюс. Получив звание бакалавра философии, Будный, подобно Скорине, отправился в Италию. Дорога шла через Чехию; белорусский первопечатник в эти годы еще был здоров и служил королевским ботаником в Праге. Легко дать волю воображению и представить, как недавний студент Будный навещает великого соотечественника в его пражском доме.

В отличие от Скорины Будный продолжил учение не в Италии, а в Швейцарии, полагают, что в Базельском университете. К тому времени в Швейцарии утвердилось реформационное учение Цвингли и Кальвина. Кальвин обосновался в Женеве, а в Базеле был реформационно-гуманистский центр, во главе которого стоял Себастьян Каstellлио. Всего лишь двумя десятилетиями прежде базельских гуманистов возглавлял Эразм Роттердамский. Так что Будный сформировался на философских идеях Эразма, развитых его последователями. Одним из них был Себастьян Каstellлио, крупнейший мыслитель первой половины XVI столетия, который впервые теоретически обосновал необходимость веротерпимости и свободы мысли. Будный мог быть знаком с Каstellлио и, приняв его учение, уже не мог разделять нетерпимость Кальвина. Вообще авторитарный, догматический тип мышления был чужд Будному. Когда же в 1553 году Кальвин санкционировал сожжение испанского ученого, врача, открывателя кровообращения Мигеля Сорвета, а затем в Цюрихе ученик и последователь Кальвина Беза послал на казнь итальянского антитринитария Валентина Гентилиса, Будный воспринял вождей кальвинизма такими же душителями свободомыслия, как и римскую апостольскую

церковь. Свободу самовыражения Будный считал основным условием здорового развития

общества. «...Разве может быть признана власть,— писал Будный,— которая всем хочет закрыть рот, а одному или троим позволяет распустишь вожжи, чтобы писали, что пожелается? Я признаю власть и осуждаю беспорядок, но я называю властью не то, что ты (имеется в виду адресат обращения — К. Т.); у тебя властью является то, что однажды принято и

требуется троим, защищается всеми силами (несмотря на то, хорошо это или плохо); для меня это не власть, а тирания и рабство, очень подобные на папские. Власть была бы, если бы не гасили дух, все испытывали и принимали то, что оказалось бы лучшим... Дай нам бог такую власть, при которой мы не думали бы о себе, не унижали других, позволяли говорить правду друг другу, не считали бы себя непогрешимыми...» Или: «Надо, чтобы у нас была свобода говорить о божеских делах не только ученым, но и простым людям... не только богатым, но и бедным. Это чудесная и особенная свобода...»

Не было на свете правителей, тем более в государстве с религиозной идеологией, которым нравились бы такие мысли и такие речи. К духовному, по крайней мере, послушанию они не зовут.

Желание пользоваться «чудесной и особенной свободой» всегда есть вызов. В известном смысле вызовом была и неудовлетворенность Будного теми прагматическими целями Реформации, какие ставил Миколай Радзивилл. Тут впору задаться вопросом, какая вообще нужда была канцлеру Великого княжества Литовского в смене религий, в переходе в кальвинизм, если все его предки с 1386 года, с момента крещения языческой Литвы, показали себя если не ревностными, то вполне лояльными католиками. Какие цели он преследовал, поощряя в государстве религиозную смуту, втягивая в смену вероисповедания широкие круги своей родни, белорусской и литовской магнатории? Чем пленились магнаты и шляхта в кальвинистском учении, которое было направлено на развитие индивидуальной религиозности, субъективного религиозного сознания, отказывалось от культа Богородицы и святых, поклонения реликвиям, обета безбрачия для духовенства, требовало роспуска монашеских орденов, умаляло роль духовных лиц в церкви, которое отличалось крайним этическим ригоризмом. Кальвинисты более серьезно, чем любое другое направление в христианстве, восприняли слова апостола Петра: «Кто не работает, тот не ест!» Кальвинизм был религией зарождавшейся буржуазии, которая вела счет каждой копейке и очень высоко ставила личный труд в любом деле. Есть много причин, обусловивших развитие реформационное движение на белорусских землях. Люди, принимавшие решения о распространении и материальной поддержке кальвинизма, занимали самые высокие должности в Великом княжестве. Миколай Радзивилл Черный, как известно, был канцлер, то есть занимал высший пост. По его смерти канцлером стал Миколай Радзивилл Рудый. Единомышленниками их выступали: князь Стефан Збаражский — воевода Троцкий, Василий Тышкевич — воевода смоленский, Павел Сапега — воевода новогрудский, Стась Пац — воевода витебский, Юрий Тышкевич — воевода брестский, Юрий Остик — воевода Мстиславский, Гавриил Горностай — воевода минский, Ян Хадкевич — староста жмудский и земский маршалок, Остафий Волович — каштелян Троцкий и подканцлер, Миколай Тальвош — каштелян минский, Юрий Зенович — каштелян полоцкий и др.

Двигали сильными мира сего иные соображения. Во-первых, корыстные: секуляризация церковных имуществ открывала панам доступ к обширным земельным владениям католических монастырей и костелов. Даже мелкая

шляхта отыскала здесь выигрыш, принуждая крестьян работать и в праздничные дни. Сочувствовало

Реформации нижнее духовенство, которое стремилось к независимости от верхушки клира. Освобождения от вмешательства церкви в светские дела желали магнаты. Такие возможности предлагал ей женеvский образец протестантской общины, где две трети руководящих мест занимали миряне.

Вторая причина, а, возможно, она являлась главной, состояла в том, что Радзивиллами владела идея отделения Великого княжества от Польши и провозглашения самостоятельной державы. Это было бы мало реально при сохранении в Белоруссии, Литве и на Украине двух противоборствующих исповеданий — католического и православного, каждое из которых искало соответствующую опору и помощь в больше и Москве. Реальную идеологическую основу отделения могла дать реформаторская церковь — чуждая и польской и московской.

Какие же шансы имел Миколай Радзивилл Черный: стать самому или поставить фамилию во главе самостоятельного государства? В XVI веке Радзивиллы были самым могущественным родом Великого княжества. Например, в конное войско они выставляли 621 всадника, родственные им Остиковичи — 337 — итого почти тысячу, в то время как князья Гольшанские — 154, Сапеги — 153, Гоштольды — 466, Кишки — 224, князья Слуцкие — 433, князья Лукомльские — 65. И так далее. Вместе с родственниками и сторонниками они держали под контролем половину вооруженных сил страны. О честолюбивых планах Радзивиллов допускает думать и необыкновенная удача их семьи: двоюродная сестра Миколая Черного Варвара была женой короля Сигизмунда-Августа — королевой Польши.

Едва ли Сымон Будный хоть однажды видел в глаза Сигизмунда, а тем более Варвару, но история отношений этих людей оказала влияние и на его жизнь. Равно он никогда не видел Ивана Грозного, Малюту Скуратова, крымского хана Дивлет-Гирея, однако их действия сказались на его взглядах и публицистической деятельности. Уж так устроена жизнь, что крупные личности или люди высокого положения своими поступками обуславливают поступки, удачи и неудачи других. Какая бы, казалось, взаимосвязь между судьбой кальвинизма в Белоруссии и Литве и успешными походами Грозного на мусульманские Казань и Астрахань? Увы, самая прямая. Победа над Ногайской Ордой позволила Московской Руси в 1558 году качать войну за Прибалтийские земли, а она — Ливонская война — привела к неожиданным результатам, отразившимся и на жизни Будного, о чем будет сказано ниже.

Подобно этому любовь Варвары и Сигизмунда, которую панегиристы Радзивиллов в следующем веке сравнивали с трагической любовью Ромео и Джульетты, не прошла бесследно для государственной жизни и для людей, связанных с Радзивиллами. Начинался роман против правил (по правилам его не должно было быть). Ведь оба — никоим образом не пара: он — наследник трона, она — молодая вдова Троицкого воеводы. Стать одной из любовниц

королевича Варваре не позволяет принадлежность к сильнейшей фамилии Литвы, для королевской невесты ей не хватает знатности. Но виленские дворцы влюбленных стояли рядом, и Сигизмунд приходил, на свидания с Варварой тайно. Братья Радзивиллы не замедлили указать королевичу, что его посещения бросают тень на честь семьи и что ему не следует входить во дворец в их отсутствие. Однажды, когда, по слухам, оба брата случились в отлучке, Сигизмунд нарушил слово. В полночь дверь спального покоя отворилась и вошли братья Черный и Рудый, держа руки на эфесах сабель. Следом шел ксендз... Брак был тайным; для своей семьи и польского государства Сигизмунд оставался холостяком. Но когда умер отец и решением сейма Сигизмунд-Август принял корону, то оказалось, что Польша должна принять королеву — литовку из свежеиспеченного княжеского рода, воеводскую вдову.

Неожиданное появление нежеланной невестки ошарашивает любую семью; нетрудно вообразить чувства верхушки государства, для которой брак монарха всегда связан с расчетами самой высокой политики. Женитьба Сигизмунда ничего не принесла Польше, получилось, что Польша вошла в союз не с другим государством, не с королевской фамилией, а просто породнилась с Радзивиллами; гордость поляков была ущемлена очевидным неравенством, бессмысленностью этого брака с точки зрения государственных интересов. Но матерью Сигизмунда была королева Бона — итальянка из семейства Медичи; она разрешила ситуацию по обычаю своего рода — в ход пошел яд, и вскоре ненавистная ей невестка скончалась.

Хоть и коротко, но (по женской линии, «по кудели», как тогда говорилось) Радзивиллы побыли на королевском троне. Они вполне могли пытаться продолжить этот опыт «по мечу» — по мужской линии. Варвара была отравлена в 1551 году, двумя годами позже Радзивилл открыл первый кальвинистский збор (храм) в Вильне, в 1557 году собрался учредительный синод белорусско-литовских кальвинистов, а в 1563 году на Виленском сейме кальвинисты вытребовали у Сигизмунда привилей, уравнивающий в правах с католиками шляхту и бояр как «русской, так и всякой христианской веры», то есть и всех протестантов. Как светская и дешевая церковь протестантизм отвечал желаниям городского населения, проповедники его встречали понимание и поддержку ремесленников и купечества. И чтобы понять, почему она была дешева, приведем сохранившееся описание виленского збора: «вся зала, предназначенная для служб, затянута была черной тканью с белым крестом посередине и вторым, висящим на стене. На столе стояли два подсвечника». И все. Ни золота, серебра, скульптуры, росписей, иконостаса — словом, ничего ценного, дорогого, роскошного, что было обязательным атрибутом костела и что протестанты насмешливо называли «дубовыми богами», «липовыми иисусами», «болванами».

Но без богатых покровителей, без людей, согласных финансировать строительство зборов (храмов), содержать проповедников и учителей, открывать типографии, утверждать новую, пусть и более дешевую церковь было бы невозможным. Для такой церкви требовались священники, теологи,

поэты — не любые, а образованные, энергичные, а такие люди не бывают послушными функционерами. В реальной жизни все накрепко переплетается — личные побуждения могут обретать силу государственных интересов, привлекать энтузиастов, мыслящих иначе, чем зачинатели и кураторы движения, и без страха нарушающих установленные им пределы ради утверждения своих идей. Отношение к протестантству, вообще цели и смысл жизни Будного и его меценатов в Белоруссии — Радзивилла, Воловича, Дорогостайского, Кишки — были различны. На какой-то срок их интересы соприкасались, но остаться ограниченным исполнителем Будный не мог: натура творческая, он обладал потребностью в самовыражении и верность истине считал за высшее достоинство.

Но одно дело испытывать душевное несогласие с тем, что есть, дивиться легковесности или неразумности многих догматов веры и другое — выразить свои чувства и мысли в позитивной системе. Первое легко переходит в скептическое равнодушие, второе требует кропотливого труда. Будный прослужил катехизистом два года и не потратил их впустую. Правда, и условия его службы были не худшими: занятия он проводил в воскресенье, вторник, пятницу по шесть часов после обеда, за что получал десять золотых в месяц и стол у министра (проповедника). Итак, он был беден, но владел достаточным временем для чтения, размышлений и споров. Здесь, в Вильне, он и открыл для себя уязвимые места христианского вероучения, по которым ударил в главных своих работах.

В 1560 году Будный назначается министром в Клецк, в город, принадлежавший Миколаю Радзивилю Черному, и с того времени его жизнь проходила в маленьких белорусских городах и местечках — Клецке, Несвиже, Заславле, Холхлове, Лоске, Ивы;. До нашего времени сохранились здания типографии в Несвиже, где он трудился. Много, к сожалению, исчезло. Лишь груда камней обозначает место Лоскского замка, где была друкарня, выпустившая лучшие книги белорусской Реформация.

Имеется единственное изображение Будного в книге иезуитского автора, шаржированный портрет в профиль — Будный в аду, в волнах кипящей серы. Но, видимо, какое-то подобие этот портрет сохранил. В нынешнем изобразительном искусстве есть несколько графических работ, посвященных мыслителю, а также скульптура (автор С. Горбунова) в Несвиже вблизи бывшей типографии Будного.

Назначение министром в Клецк было несомненным повышением. Будный получил право на проповедь, «взрослую» аудиторию; изменилось его материальное положение: ему был дан во владение двор с крестьянами, он получил собственный дом, прислугу, достаток. В двадцати верстах от Клецка был Несвиж, который при Миколае Черном обрел права второй столицы Великого княжества Литовского, поскольку Радзивилл добился королевского привилея держать в своем замке государственный архив. Большую часть времени Будный проводил именно в тех местах, где жили его просвещенные

единомышленники — министр местного збора Крышковский и братья Кавечинские — управители города и замка. Это были люди деловые, и вместе с Будным они решили издавать книги. Миколай Черный выделил средства, и скоро в Несвиже возникла друкарня — вторая в Великом княжестве после скорининской и первая на собственно белорусских землях. Здесь в 1562 году выходят в свет «Катехизис, то есть наука стародавняя христианская от светого письма для простых людей языка русского, в пытаниях и отказах собрана» и «Оправдание грешного человека перед богом» — обе книги на белорусском языке. Двумя годами позже — «Беседа святого Юстина философа и мученика с Трифоном-иудеем» — на польском. Основным автором этих работ был Будный. В основу «Катехизиса» легли конспекты уроков, которые Будный давал в столичной кальвинистской школе (виленская община была белорусской по своему составу).

В несвижской типографии напечатаны и другие работы философа: «Апокриф», «О зачатии сына божьего», предисловие к так называемой брестской Библии. Затем типография переместилась в Заславль и Лоск, где вышли основные труды Будного: перевод Нового завета с комментариями, «О главнейших положениях христианской веры», «О светской власти». Будному принадлежат работы и на латинском языке. Помимо писем и стихотворных посвящений исследователи творчества Будного считают за ним более двадцати печатных произведений. В основном, это работы религиозного характера, но таков был дух XVI века — идеология еще носила теологическую форму.

Мировоззрение Будного принадлежало эпохе Возрождения; сам рациональный стиль мышления Будного противоречил ортодоксальному теологическому мышлению.

Издательское дело, начатое в Белоруссии и Литве Скориной и продолженное Будным, имело и политическое значение — владение книгой перестало быть привилегией духовной и светской элиты. Хотя бы в силу стоимости: цена печатной книги стала вчетверо-впятеро дешевле, что делало ее относительно общедоступной и идеологически действенной. К сожалению, многие произведения Сымона Будного не сохранились. Так, упомянутое «Оправдание грешного человека» не дошло до нас ни в одном экземпляре — весь тираж был предан огню в разгар Контрреформации. Считанные экземпляры сохранились от других изданий Будного.

...Первый книжный костер в Белоруссии и Литве, организованный виленскими

иезуитами, запылал в 1581 году. Стихийно такие дорогостоящие акции не осуществляются: надо утвердить список подлежащих сожжению книг, провести их скупку или выкуп с немалой, естественно, переплатой, собрать верующих, возбудить их гневные чувства, дать направление действию их предрассудков и тому подобное. В костер бросали книги всех инаковерующих авторов, но прежде всего — арианскую литературу. Труды Будного летели в огонь первыми, поскольку автор черным по белому отрицал божественное происхождение

Христа, считая его простым смертным, талантливым истолкователем Библии, героем и мучеником своей проповеди, а саму Библию трактовал как литературный памятник древности. Непризнание предвечности Христа автоматически вело к отрицанию бога, так как в христианстве Христос — неотъемлемая часть Троицы. Нет сына божьего — нет Троицы, первого и второго сошествий, конца света и т. д. Кому и какими словами молиться? Как позитивно представить бога, если убирается его антропоморфная ипостась? Как дерзкое кощунство воспринималось и отрицание бессмертия души, загробного мира, ада и рая. «Душа есть не что иное, как человеческая жизнь,— писал Будный,— мнение, что якобы существует какая-то душа, которая после испытаний смерти испытывает муки или веселится на небе, является басней».

Будный не был одинок в таких взглядах; того же мнения придерживался, например, современник Будного, великий французский мыслитель, автор знаменитых «Опытов» Мишель Монтень. Правда, не они выступили здесь открывателями: сама идея конечности души зародилась тысячелетием прежде — в среде истолкователей Аристотеля. Не были новыми и идеи Реформации; выступления Лютера, а затем Цвингли и Кальвина вовсе не явились откровенными. К этому времени идеи необходимости религиозных и церковных преобразований имели за собой почти двухвековую историю, своих широко известных выразителей, среду и традицию.

Основания реформационного учения заложили философы Дуне Скот (1266—1308), который заключил, что между миром и богом нет никаких отношений необходимости и что бессмертие души — одна из недоказуемых истин веры, а также Роджер Бэкон (1214—1294) и Вильгельм Оккам (1300—1349), которые отделили науку от теологии, разум от веры, считая, что нельзя доказать логикой сотворение мира богом и бытие бога.

Немецкие мистики XIV века Экгардт и Таулер перенесли акцент богопонимания в область внутреннего религиозного опыта, что сделало мистическое содержание бога доступным каждому, а не только клиру. Мистическое учение ставило личность человека рядом с богом, позволяло их непосредственное — без пособия священника — единение. Широкая увлеченность этими идеями философов и мистиков вызвала потребность в личном знакомстве верующих с Библией — и возникли переводы Нового завета на народные языки, а также так называемые пленарни, то есть объяснения евангелий и посланий апостолов, тоже на народном языке. Печатный станок Гутенберга позволил сделать эти переводы общедоступными. Но одним из главных основоположателей Реформации был монах Марсилиус Падуанский, который в 1324 году выступил с программой необходимых изменений. Марсилиус оспаривал власть духовенства отпускать грехи, утверждал, что оправдание идет через веру, а не через дела, которые могут и не выражать веры, требовал уравнивать власть папы римского со всеми священниками, отказаться от религиозного принуждения и тем более от уголовного наказания церковью за ересь. Он отнимал у церкви всю область светских интересов, уравнивал мирян с духовенством.

Реформация XVI столетия развила идеи Марсилиуса в духе отношений индивидуума и церкви, а не только отношений государства к церкви и общины к государству. Но суть,

разумеется, не столько в новизне или древности идей, суть — в их интерпретации; в XVI веке рациональные объяснения мира приводили к утверждению качественно других науки и морали. Выбрасывая из морали идею загробного воздаяния, Будный тем самым менял основу нравственности. Все должно объясняться естественными причинами. Разум не подчиняется вере ни в чем. На веру принимается лишь то, что подвластно рациональному толкованию.

Внимание к Будному, к его философскому наследию — заслуга нашего века. Сейчас история Реформации и Контрреформации, история культуры XVI столетия, история научного освоения Библии немыслимы без обращения к трудам этого смелого мыслителя. Анализ творчества Будного посвящены многие работы белорусских ученых.

Будный родился и действовал в интересную, драматическую эпоху, ею был воспитан и ответил на ее высшие духовные потребности. Дело его и имя исчезли из культурного обихода следующих поколений не потому, что он жил раньше, чем должен был жить, и что он жил в «медвежьем углу» Европы. Отважившись на научную критику священного писания, Будный не нашел бы признания и успеха ни в одной стране Европы. Более того, в любой другой европейской стране его жизнь и судьба были бы в большей опасности. Как раз в Белоруссии и Литве в силу исторически сложившегося сосуществования двух, а затем трех церквей — православия, католичества, протестантства — выработались нормы веротерпимости, по крайней мере, религиозного равнодушия. Здесь религиозная борьба никогда не принимала таких жестоких форм, как в Западной Европе, и религиозные гонения никогда не были так суровы, как в Московской Руси, где господствовала идеология одной церкви. Здесь не рубили голов, не бросали в подвалы, не посылали на костер инаковерующих. Чтобы ощутить это различие, достаточно припомнить Варфоломеевскую ночь в Париже, когда католики вырезали двадцать тысяч протестантов и развязали религиозную войну, длившуюся два десятилетия; или тридцатилетнюю войну в Германии; или драматическую борьбу английских сословий со Стюартами; или беспрецедентный поступок испанского короля Филиппа II, который объявил еретиками все население Нидерландов.

Религиозное вольномыслие не прощало Иваном Грозным. О существовании в Москве двух церквей или хотя бы разных течений православия не допускалось и мысли. Уличенный в протестантских воззрениях дворянин Федор Башкин был публично сожжен, его брат Матвей попал в монастырскую тюрьму; из Москвы на Витебщину бежал реформатор православия Федосий Косой, где взгляды его получили распространение в среде городского населения; известный вождь нестяжателей старец Артемий оказался на Соловках, откуда, правда, ему удалось бежать в Белоруссию. Он жил в Слуцке, поблизости Клецка и Несвижа, и Будный вел с ним оживленную

переписку, посылал ему свои книги; возможно, они и встречались. Любопытно отметить, что Артемий, сам будучи еретиком, обвинял Будного в желании «разрушить Христову веру злодейскими методами дьявольского замысла и подлога».

В Речи Посполитой, а точнее, на землях Великого княжества, до Контрреформации не было даже книжных костров; они зажглись, когда стала развиваться католическая экспансия.

Начало Контрреформации в Белоруссии и Литве датируется 1564 годом, когда в Вильню явилась первая партия иезуитов. По странной случайности их оказалось тринадцать человек — чертова дюжина. «Чертово семя», — называл иезуитов Будный. И действительно, они показали необычную энергию. Через двадцать лет иезуиты на землях Великого княжества насчитывали уже 300 человек, причем 250 из них были местного происхождения.

Неправильно представлять деятельность иезуитов только черными красками. Им принадлежит несомненная заслуга в развитии образования: они создали на территории Белоруссии и Литвы широкую сеть коллегий, где практически могли учиться все желающие. Иезуиты смогли организовать и содержать первое в Восточной Европе высшее учебное заведение — Виленский университет. Инициаторами создания университета выступили протестанты, но осуществить свой замысел им не удалось. В постановке школьного дела иезуиты превзошли всех иноверцев; единственно арианская Ивьевская школа не уступала их коллегиям. Ректором школы в Ивье был известный философ и писатель Ян Лициний Намысловский, близкий друг Будного. Как полагают исследователи, Будный был редактором «Поучительных сентенций» — учебника, написанного Намысловским специально для своей школы.

В пропаганде своих идей Будный использовал любую возможность и проявил настоящее подвижничество. Он посылает свои работы и письма в Швейцарию деятелю Реформации Генриху Буллингеру, в Англию историка Дж. Фоксу, полемизирует с цюрихским профессором теологии Иосиасом Симлером. Будный не ограничивается только писанным словом. Он — проповедник, он любит живое общение, встречи с людьми и противниками; спор, устное слово, победа в диалоге перед слушателями дают то удовлетворение реально ощутимой стычки идей и мыслей, рождения аргументов, которые не может дать замкнутая писательская работа. То он едет под Лепель к Василию Тяпинскому, то в Брест, то в Вильню на встречу с Петром Мстиславцем, то на синод в Венгров, то на диспут в Новогрудок. Вместе с единомышленником Фабианом Домановским Будный приезжает для диспута с иезуитами в Полоцк, где с 1584 года действовала коллегия. Диспуты привлекали шляхту, горожан, а Полоцк (занятый в 1561 году войсками Грозного и вновь отобранный Баторием в 1579 году) представлял для антагонистов необжитую территорию, где каждый надеялся взрастить семена своих представлений. Не много преуспели в этом иезуиты, но еще меньше ариане: в Полоцке был открыт один протестантский — кальвинистский — збор, да и то захудалый, арианские же воззрения там

сторонников не завоевали.

Вообще во всем полоцком воеводстве действовало пять зборов, в витебском — семь, в брестском — восемь, в минском — одиннадцать, в мстиславском — два. Главными оплотами ариан являлись новогрудские земли и обширные владения каштеляна Ивана Кишки, которому принадлежало более 70 городов и местечек и почти 400 деревень, в том числе Лоск и Ивье — эти значительные центры просвещения в Белоруссии. По смерти Кишки в 1592 году наследники его вопреки оставленному каштеляном завещанию стали передавать арианские зборы кальвинистам. Прекратила работу Ивьевская школа — детище многолетних стараний Будного и его друзей, утратили полемическую остроту издания лоскской типографии, славу которой создали издания Будного. Этот чувствительный удар по арианам ослабил общие позиции реформационного движения в Великом княжестве Литовском перед натиском иезуитов.

Победа Контрреформации в Белоруссии и Литве была обеспечена не только усилиями иезуитов или католической церкви в целом. Необходимые условия для поражения Реформации создала здесь Люблинская уния 1569 года, объединившая Польшу и Великое княжество Литовское (то есть Белорус-^ сию, Литву и Украину) в единое федеративное государство. Потеря государственной автономии, утрата огромных и лучших территорий (поляки во время переговоров силой заняли Волынь и Подляшье) не могли не представляться белорусско-литовской магнатерии и шляхте поражением дела, которое еще недавно казалось им выигрышным. Уния была давним стремлением Польши; на бумаге первая уния зафиксирована в 1385 году в Крево. Однако устремления

панства, шляхты, народа Великого княжества не давали осуществиться унии реально и полностью. Польша продиктовала тяжелые условия Люблинской унии, когда Великое княжество обескровилось в Ливонской войне, в стычках на восточных и южных границах, во время военных действий в Прибалтике. Осознание новой политической реальности, перемены сил выразилось в переходе в католицизм многих иноверцев. Разумеется, не все переходили, не повально; православных вообще в католичество ушло мало, большая их часть оказалась в униатстве, но это — дело следующего века. Не перешли или не вернулись поначалу и самые сильные магнаты. Более того, даже пытались сопротивляться. Например, в 1579 году, когда король Стефан Баторий дал иезуитам диплом, превращавший виленскую коллегию в академию (университет), то канцлер Миколай Радзивилл Рудый, хранивший большую печать Княжества, и подканцлер Остафий Волович — владелец малой государственной печати, оба — протестанты, отказались приложить печати к этому документу, без чего он не мог войти в силу.

К месту сказать, что Волович был протектором Будного, дружил с ним и, верно, испытал его духовное воздействие. Показательно завещание Воловича, которое объявляло свободу холопам. Другим влиятельным меценатом Будного был виленский каштелян Иван Кишка, владелец Лоска и Ивья, фундатор лоскской типографии. Покровительство этих белорусских магнатов позволило

Будному опубликовать такие произведения, против публикации которых выступало руководство польского крыла ариан.

По иронии судьбы одним из первых вернулся в католицизм сын Миколая Радзивилла Черного — Миколай Крыштоф Сиротка. Обращение молодого князя в «истинную» веру было заслугой первого ректора виленского университета Петра Скарги — человека очень одаренного, умного, деятельного пропагандиста идей церковной унии, убежденного противника протестантизма. После важной победы Скарги иезуиты прильнули к Радзивиллам несвижской линии и, угождая самолюбию рода, породили ряд панегирических легенд. Одна из них утверждает, что фамилию Радзивилл один из предков получил от Гедимина за то, что радму (советовал) построить замок и город на реке Вилни (Вильню).

При Сиротке все кальвинисты и ариане покинули Несвиж, Клецк, Ишкольд, Койданово. Многолетние труды арианских проповедников — и Будного в том числе — на этих землях оказались напрасными.

Вообще после Люблинской унии развитие протестантизма прервалось, наступление сменилось обороной, постепенной утратой былого значения и влияния. В самом невыгодном положении очутились ариане, выступавшие с максималистской критикой существующего государственного устройства. Идеологи арианства проповедовали социальное равенство, освобождение крестьян, раздачу богатства бедным, отказ от занятия должностей и воинской обязанности. На таких началах была образована Раковская арианская коммуна, куда стеклось немалое число шляхты и горожан Польши, Белоруссии и Литвы. Но для живого социально-политического движения эта нанвно- утопическая программа была неприемлемой: о каком освобождении крестьянства могла идти речь, если, наоборот, усиливалась его эксплуатация. Полное закрепощение крестьян в Польше утвердил сейм 1573 года, а на землях Великого княжества — III Статут в 1588 году. Состояние крестьян было столь тяжелым, что за облегчение мужицкой доли выступали и католические публицисты. В зверском отношении к крестьянам обвинял шляхту Петр Скарга, первый ректор Виленского университета, а затем — королевский проповедник. Но призывы к гуманности бесполезны, если облегчение ярма грозит уменьшить доходы. Крепостное право только входило в силу, ему было отмерено для

действия почти три века, и обращение к шляхте дать волю крестьянам, уравниваться с ними вызывало лишь злость.

Предательством патриотических интересов воспринималась и пропаганда неучастия в войнах. С 1558 года шла Ливонская война. В 1561 году Великое княжество Литовское победило Ливонский орден и взяло под свою власть орденские владения. Но двумя годами позже войну против Великого княжества начал Грозный, и она с переменным успехом длилась двадцать пять лет. Пацифистская проповедь грозила арианам полной изоляцией.

Будный показал себя политическим реалистом, когда на синоде в Ивье выступил против жесткости социальных установок своей партии. Собственные взгляды по социально-политическим вопросам он изложил в книге «О светской

власти», напечатанной в 1583 году. Небезынтересно, что в книге приводится протокол синода двадцатилетней давности, то есть Будный вел дневник или владел обширным архивом, которым дорожил и творчески пользовался. К сожалению, бумаги просветителя не сохранились: либо он сам уничтожил их в последние годы жизни, когда бедствовал и скитался по дворам друзей, либо они были затеряны в следующем поколении.

Публикация работы «О светской власти» была вызовом арианской общине, которая годом раньше исключила Будного из своего состава «за безбожные убеждения и действия». Конкретно Будный был лишен сана министра за самовольную, без цензурного чтения в общине, публикацию сочинений Якова Палеолога, взгляды которого разделял, и за выступления против молитв, обращенных к Христу. Синод 1584 года оставил в силе решение об отлучении Будного и потребовал от покровительствующего ему Кишки порвать с ним отношения. Поддерживать Будного материально Кишка не перестал, но, уступая желанию руководства общины, закрыл для него доступ в типографию. Исключение из общины считалось равносильным объявлению вне закона, лишение сана — лишало и аудитории: для человека деятельного, заинтересованного в слушателях — это большая утрата. Найти нового, смело думающего и действующего мецената в восьмидесятые годы уже было невозможно. Не желая оставаться вне дела, Будный свои наиболее крайние взгляды смягчил и в 1588 году в Бресте примирился с «братьями».

Но и публикация полемических работ, приведших к отлучению, и тактический зигзаг с примирением не были сугубо личным делом Будного. Он выражал мнение своего крыла и, можно думать, совершал эти действия после долгих совещаний с друзьями. Близким другом Будного был белорусский просветитель Василий Тяпинский, в доме которого Будный читал единомышленникам рукопись своей работы «Об основных положениях христианской веры». Верно, и Тяпинский в ответ читал рукопись сделанного им перевода «Евангелия» на белорусский язык.

Дружил Будный и с известным историком и поэтом Мацеєм Стрыйковским. Одним из ближайших товарищей Будного был философ Андрей Волан, живший неподалеку от Воложина. Близкие отношения связывали Будного с поэтом и переводчиком Киприаном Базиликом.

Как заинтересованный книгоиздатель встречался Будный с Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Все это были люди талантливые, большинство — с лучшим европейским образованием, просветители и гуманисты; им было что обсудить и о чем поспорить.

Широкая известность Будного раздражала его противников, и иезуиты пустили в оборот ряд небылиц, призванных умалить личность философа. Например, бытовал рассказ, что возвращавшиеся с войны против Грозного солдаты, проходя деревню, где жил Будный, выволокли его на улицу и хотели зарубить за хулу на Христа, но будто бы

Будный, видя жало сабли над головой, отрекся от своих арианских

убеждений. Нападение пьяных, подученных кем-либо солдат и впрямь могло иметь место, но отречение — явная выдумка, та мечта иезуитов, которая никогда не осуществилась. Будный при твердости своих взглядов и нравственной строгости такое унижение не принял бы и ради жизни. Против философа назначено было послужить и пародированное описание иезуитским автором Фрибелиусом последних дней Будного: «...уже за два года до смерти он совсем обезумел, не хотел ничего знать и слышать ни о боге, ни о Христе; даже за три дня до смерти он страшно ревел, наполняя криком двор пана Льва Маклока и его соседей. Но когда управитель этого имения пан Витковский убеждал его, чтобы в последние дни обратился к богу ... он словил его руки... и сказал: «Клянусь моей душой, я не Признаю бога, не знаю ничего о боге, клянусь моей душой, я не признаю Христа и совсем не думаю о нем». По мнению Фрибелиуса, слова и муки Будного свидетельствуют о его сумасшествии и божьей каре за еретичество. Но если запись правдива, то ясно, что Будный сохранял свои убеждения до последнего часа и не отказался от них даже в страданиях смертельной болезни.

Умер Будный в 1593 году. Несколько лет оставалось до Брестской церковной унии; уже под Быхов и Могилев приходили казацкие отряды Голого и Матюши, провозвестив близкое начало народной войны за свою свободу и веру.

Строгое и реальное мышление не позволило Будному обманываться в итогах дела, которому он отдал все силы. Ничто из того, что в молодые годы казалось близким к осуществлению, не осуществилось: на королевском троне вместо просвещенного монарха сидел ограниченный и надменный Сигизмунд Ваза — «иезуитский король», как он себя называл; должностные лица державы — воеводы, каштеляны, старосты, обязанные утверждать справедливость, сплошь были грабители и лихоимцы; вместо уважения к человеческому достоинству наблюдалось бесстыдное насилие сильного над зависимым; народное образование, призванное обогатить духовную жизнь каждого, ограничилось образованием шляхты и сосредоточилось в руках иезуитов; труды Будного сжигались на кострах; недавние «братья» проявляли такую же нетерпимость, как и противники; взамен свободы самовыражения, взамен знания старательно насаждались предрассудки, тупая вера, фанатизм.

Счастливы люди, которые на закате дней могут сказать себе, что труды их приняты последователями и что жизнь их не обманула. Какую же горечь должен испытывать ученый, просветитель, общественный деятель, видя обратное! Какая надежда согревает его? Каким смыслом он живет? Одним — верой в будущее, которое окажется более разумным, проявит более доброты и участия к людям, внимания к истине, стремления к добродетели. «Жребий брошен,— писал Сымон Будный, выступая с критикой Нового завета,— но все же я уверен, что труд мой лучше оценят потомки».

Так и случилось.